

И. А. Гончаров.

<Н. А. Майков> (Некролог)

Оригинал находится [здесь](#).

23 августа скончался на 79-м году от роду, после продолжительной болезни, и 27-го августа похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря Николай Аполлонович Майков.

Отец или "старик" Майков, как его обыкновенно называли в его кругу, имеет права на особенное внимание и память общества как художник-живописец, верный до гроба служитель искусства, и еще как один из немногих, теперь уже в числе нескольких человек, ветеранов, оставшихся от войн 1812, 1813, 1814 и 1815 годов.

Художник Майков составляет феноменальное явление в искусстве, как самородный талант, которому случайность открыла путь к искусству. Он был отдан во второй кадетский корпус в то время, когда для дворянина считались приличными только две карьеры: или в военной, или в статской службе. Прямо с школьной скамьи, не успев кончить курса, он был, как многие тогда, выпущен в офицеры, лет 18 от роду, в действующую армию, в корпус Багратиона. Ни в детстве, ни в юношеском возрасте он не учился рисовать, не посещал ни академии, и никаких других рисовальных классов, которых тогда, т. е. в начале нынешнего столетия, и не было. Поэтому к нему, как к артисту, нельзя относиться с строгою художественною критикой, подводить его труды под уровень академического воззрения и тем определять степень его значения в искусстве. Работы его, известные многим, по необходимости должны быть ценимы в совокупности с теми случайностями и препятствиями, которые помешали ему занять ту высокую степень в искусстве, на какую давал ему право природный талант. Этому таланту только, да необыкновенной, всепоглощающей страсти к искусству, он был обязан тем положением, которое занимал в живописи, это был один из последних могикан, любивших искусство для искусства, также как он был одним и из последних ветеранов Отечественной войны. В войне он заплатил свою дань кровью: восемнадцатилетним юношей он был ранен при Бородине пулей навылет в ногу, а искусству принес в жертву зрение и почти, можно сказать, жизнь или, по крайней мере, здоровье, редко и неохотно выходя из полумрака мастерской, мало пользуясь воздухом и пренебрегая необходимым для здоровья движением, отчего одряхлел преждевременно, задолго до смерти.

Рана в ногу была той случайностью, которая привела Майкова к искусству. Он был увезен в поместье, в Ярославскую губернию, где должен был прожить до излечения. Над постелью его висела какая-то картинка; от скуки он начал копировать и был доволен своею копией; другие, может быть, нашли ее удачною, потом он стал рисовать все, что попадалось под руку. По выздоровлении, он отправился опять на службу в гусарский полк и прошел Польшу, Германию и Францию до Парижа. И всюду, в городах, в походе и стоянках, на бивуаках, он рисовал непрерывно, набрасывая эскизы, портреты товарищей, сцены и т. д. Естественное, что походная, лагерная жизнь и новая, охватившая его страсть мало ладили между собою. В Париже, в числе первых покупок, он купил масляные краски и мечтал об уединении и артистическом труде. Незадолго до смерти, он, еще смеясь, рассказывал, как он, с каким-то товарищем, задумал тогда уйти в Италию, эту всемирную академию, и тайком готовился в дорогу, как вдруг эта юношеская мечта рушилась внезапным появлением, на какой-то стоянке, посланного от отца его (А. А. Майкова, бывшего некогда директором театра), с приглашением воротиться домой. Воротясь в Москву, Майков вышел в отставку, с чином майора и с орденом Владимира с бантом за рану, и отдался всей своей страсти к искусству, он женился, но и женитьба, и вообще семейная жизнь не только не отвлекали его от искусства - напротив, избавив его от всяких мелких житейских забот, помогли ему устроить среди семьи артистическое гнездо, где он провел всю свою долгую жизнь, то теряясь между полотнами, моделями, слепками, гравюрами и картинами, в своей мастерской, то отдыхая за книгой или в кругу семейных лиц. Ко всему другому, кроме интересов искусства в той или другой сфере - он был холоден, относился беспечно, с каким-то простодушным